

Мелья Рикардо. Закон количества

Источник: [здесь](#).

От переводчика

Рикардо Мелья был одним из самых известных теоретиков в испанском анархизме в эпоху его расцвета в этой стране. Он принадлежал к крылу анархо-коллективистов, находившемуся на тот момент в идеологической борьбе с анархо-коммунистическим течением. В принципе, суть конфликта сводилась к вопросам экономического перераспределения в будущем обществе, свободном от власти человека над человеком. В самом упрощённом синтезе, анархо-коллективисты отстаивали принцип «От каждого по возможностям, каждому по труду», в то время как анархо-коммунисты выступали за принцип «От каждого по возможностям, каждому по потребностям». Наверное, сегодня этот конфликт уже не обладает тем же значением, хотя в заключительных главах этой брошюры отчётливо вырисовывается будущее учение анархо-синдикализма.

Эльдар Саттаров

I. Предрассудки и обман избирательного права

На смену великому политическому заблуждению о божественном праве монархов, согласно Спенсеру, пришло великое политическое заблуждение о божественном праве парламентов. «Кажется, что священное помазание – уточняет он – внезапно перешло с головы одного на головы многих, освящая их самих и их права».

Приглядимся внимательнее к этому великому заблуждению, вдохновившему первого из позитивистских философов на столь красноречивые слова.

Корни парламентов, как в монархических, так и в республиканских государствах, лежат в воле большинства, по крайней мере, теоретически. Господство большинства опирается на своё неоспоримое право прямой или косвенной власти над всеми. Почему-то считается недопустимым подвергать сомнению тот факт, что большинство обладает более ясным пониманием всех вопросов, чем меньшинство, и что поскольку, у людей много общих вещей,

логично и необходимо, чтобы большинство решало, как и в какой форме должны достигаться общие цели.

Отсюда следует целая серия совершенно определённых последствий.

Большинство обитателей страны обладает правом регламентировать политическую, религиозную, экономическую, художественную и научную жизнь общественных масс. Оно обладает энциклопедическим правом выносить решения по всем вопросам и во всём руководствоваться своими знаниями и пониманием. Оно обладает правом в любой момент утверждать или отвергать что-либо, по своему усмотрению, каждый день уничтожая последствия решений дня вчерашнего. В политике, оно диктует законы, которых нельзя слушаться. В экономике, оно определяет способы и формы обмена, регулирует производство и потребление и позволяет или запрещает дешёвую жизнь, в зависимости от своей сиюминутной воли. В религии, оно выше личной совести и навязывает всем свои догмы, определяет суровые наказания или щедрые жертвования. В искусстве и науках оно владеет монополией на образование и привилегией на обладание официальной истиной.

Оно определяет и устанавливает гигиенические правила и моральное поведение, которым надо следовать, соответствующие социальные функции каждой социальной группы и индивида, условия работы, приобретения богатств, отчуждения имущества, обмена вещей и взаимоотношений между людьми. И, наконец, напоследок, оно поощряет и наказывает, является одновременно обвинителем, адвокатом и судьёй, всемогущим и вездесущим богом, который обладает всем и контролирует всё, внимательно и ревниво.

Эти выводы отнюдь не являются преувеличениями, если отдавать себе отчёт в том факте, что закон количества стал верховным законом.

Более того, поскольку большинство не может реализовать так много вещей, поскольку оно не может ежедневно заниматься столькими многими вопросами, к этому закону обязательно должно было появиться дополнение, в виде парламентского делегирования полномочий. Посредством большинства избираются делегаты или представители, которые, в своей учредительной корпорации, принимают на себя все полномочия представителей, или вернее всю полноту власти в стране, порождая, таким образом, новую разновидность абсолютной власти, божественное право парламентов.

В этих палатах или ассамблеях избранных делегатов есть те, кто вновь применяет радикальный закон количества, потому что именно большинство в них принимает законы, для того чтобы умело управлять общественными и частными интересами при помощи своего всеведения законодателей. Таким образом, горстка граждан со средними знаниями, чаще всего самых заурядных обывателей, принимает на себя благословенное бремя верховной мудрости. Гигиена, медицина, юриспруденция, социология, математические дисциплины – они знают всё, потому что Святой Дух большинства постоянно реет над их головами. Такова эта теория во всей её наготе.

Считается, что она не подлежит сомнению, а отрицать её – чистейшее безумие. Глупость в спорах пользуется руганью.

Но мудрость выражает свою истину. «Суверенный народ – говорит позитивист – назначает своих представителей и создаёт правительство.

Правительство, в свою очередь, создаёт права и раздаёт их по отдельности всем членам суверенного народа, из которого оно происходит. Таковы чудеса политической мистификации!»

Более того, мистификация не останавливается на этом. Она распространяется до самых глубоких уровней политических систем, потому что, как только утверждается закон большинства, он превращается, как мы скоро увидим, в громадную фикцию, позволяющую нескольким людям взбираться на вершину власти, диктовать и навязывать целому народу свою всеобъемлющую волю.

Перед тем как предпринять критику этого закона, попробуем раскрыть эту политическую загадку, представив перед глазами читателя окружающую их реальность.

II. Фикция большинства и обман парламентарного голосования

Действительно ли конституционные страны управляются решениями большинства? Обладает ли его волеизъявление властью во всём или хоть в чём-либо?

Посмотрим. Правительство одной страны, Испании, например, объявляет всеобщие выборы в определённые сроки. Партии начинают готовиться к борьбе и, наконец, настает день для этой междоусобицы. В каждом округе друг с другом борются, по крайней мере, два кандидата. Чаще всего происходит именно так. Тем не менее, в некоторых округах бывает больше кандидатов, а в некоторых случаях и один.

Рассмотрим общий случай и предположим, хотя это бывает крайне редко, абсолютную беспристрастность в предвыборной борьбе. Посчитаем. Даже не приводя примеры и не собирая данные, что может сделать каждый сам по себе без особых трудов, мы можем утверждать, что на деле избирательным правом не пользуются от 30 до 50 человек из каждых 100 избирателей. Возможно, мы и не знакомы со всеми данными по Испании. Но, например, во Франции в 1886-м году в период агитации, голосовало семь миллионов из десяти, т.е. воздержалось около трети избирателей; и автор, у которого мы взяли эти цифры, подчёркивает, что количество воздерживающихся от выборов принимает тревожные размеры. Если в экстраординарных обстоятельствах, в стране с более оживлённой политической борьбой, чем в Испании, от голосования воздерживается 38% избирателей, не будет преувеличением сказать, что в нашей стране воздерживается до 50%. Поэтому для нашего анализа, воспользуемся средним показателем – 40%. Как же распределяются оставшиеся 60%? Обычно проигравший кандидат лишь ненамного отстаёт от победившего

кандидата, который почти всегда является официальным. В очень редких случаях первый вдвое уступает последнему. Поэтому, не будет преувеличением, если мы припишем проигравшему где-то двадцать процентов голосов. Посчитаем. Из каждых 100 избирателей, 40 воздерживается, 20 голосуют за проигравшего кандидата, что в сумме даёт нам 60, значит лишь 40 представляют собой это знаменитое большинство, представляемое победившим кандидатом в парламенте. Это, конечно, лишь приблизительные подсчёты. Тем не менее, если бы это и было не так, если бы проигравший кандидат и не набрал бы более 10% голосов, если бы мы и настаивали на более благоприятном для выигравшего кандидата подсчёте голосов, он всё равно останется представителем меньшинства. Отметим, что здесь не достаёт также женщин, то есть примерно пол-страны, которые точно так же как и мужчины обладают своими правами и интересами. Кроме того, мы можем добавить, что несовершеннолетние дети, которые как говорил Тарде, пользуются всеми гражданскими правами через своих родителей и опекунов тоже должны бы обладать правом голоса. Поэтому, при том расчёте, что три четверти населения не пользуются правом выборов (Франция 1885 и 1886 гг.), ни один из кандидатов не может претендовать на то, что он представляет большинство индивидов своего округа.

Однако оставим эти подсчёты и посмотрим, в другом ракурсе, на реальное представительство избираемого кандидата. Каким бы ни было беспристрастным правительство, вне зависимости от того насколько мы хотим придерживаться реального положения, даже если предположить, что оно обладает самой нестигаемой волей к справедливости, оно не сможет избежать влияния, хотя бы и невольного, на результаты выборов. Оно не может не высказывать своих рекомендаций, а это самое настоящее насилие, аморальная хитрость. Согласно закону естественности, это влияние существует с самого начала, это, если угодно, безличное, непредумышленное влияние, но именно поэтому оно крайне эффективно. Общественные служащие голосуют, вне зависимости от того, делают ли они это добровольно или им это приказывают против их воли, за официального кандидата. Со своей стороны, его друзья и родственники, так или иначе, будут морально влиять своими словами, советами на всех тех, с кем они состоят в каких-либо отношениях. Судебные церковные, военные и т.п. власти, даже пребывая в полной пассивности, будут сами по себе служить молчаливой рекомендацией для многих голосовать за правительственного кандидата. То же самое касается родственников и друзей оппозиционного кандидата; но его влияние и власть всегда будут меньше влияния и власти правительственных элементов.

Можно ли поставить под сомнение то, что мы сказали? Оставим подсчёты и арифметику. Избранное лицо в реальности представляет лишь незначительное меньшинство, безропотно принимающее его в качестве представителя, лицо, назначенное верхушкой партии или самим правительством.

И что мы можем сказать, если кандидатов больше, чем два? Сможет ли в этом случае избранное лицо представлять волю большинства? На деле, если суммировать голоса отсеянных и воздержавшихся, они всегда будут обладать большинством по отношению к голосам, набранным победившим кандидатом.

Нам могут сказать, что во многих случаях, выборной борьбы не происходит из-за того, что кандидат один. Что же: когда в каком-либо округе или местности появляется лишь один кандидат, это происходит или из-за равнодушия избирателей, или из-за уверенности, что ничто не может противостоять влиянию правительства. В этих случаях, абстенционизм становится абсолютным. Все знают об этом, и все говорят об этом, хотя всегда и происходит ЗАКОННОЕ голосование. Так или иначе, избранное лицо всегда представляет правительство и его чиновников и никогда в реальности не представляет никаких избирателей.

В большей части сельских округов, в которых чаще всего появляются единоличные кандидаты, как правило, не бывает предвыборных кампаний. Самые влиятельные или назначенные свыше персонажи, собираются в один день между собой и принимают решение о парламентском представительстве данной местности. Все без исключения голоса, как правило, отдаются уже заранее выбранному кандидату. Составляется соответствующий акт со всеми формальностями, и на этом выборы завершаются. Иногда дело доходит до того, что главе местной администрации просто отправляется пустой подписанный бланк. Мы сталкивались с такими случаями в Галисии, Кастилии и Андалусии. Мы не погрешим против истины, сказав, что в той или иной форме это происходит по всей Испании.

Эти представители, избранные таким странным способом, чаще всего даже не знают своих округов, как округа не знают их самих, поэтому они не могут знать о нуждах и пожеланиях друг друга, а избранные лица не могут отстаивать интересы, которых они не знают. Избиратель, в любом случае, остаётся к этому равнодушным, словно бы зная заранее, что ему нечего ждать от этого законодателя и что всё это всего лишь игра с открытыми картами.

Кого же может представлять сформированное таким образом собрание? В лучшем случае микроскопическое меньшинство.

Предположим, однако, что наш анализ окажется неправильным, и что каждый из депутатов парламента одной отдельно взятой страны является представителем свободно выраженной воли большинства. Даже в этом случае, каждый представитель должен будет часто вступать в конфликт с общими интересами, которые они должны отстаивать по закону, потому что их избиратели будут поручать им частные пожелания. Предположим, что депутаты будут коллективно в полной гармонии принимать решения, которые будут соответствовать как общим интересам страны, так и частным интересам каждой местности. Более того, даже если предположить подобное метафизическое совпадение интересов, будут ли представители всегда в согласии относительно интересов всей страны? Или, точнее, достигнут ли они подобного согласия хотя бы один раз? А если и достигнут, будут ли они в этом случае реально отстаивать интересы и потребности своих представителей?

Например, если речь пойдёт об увеличении налогов на импорт пшеницы. Кастильские депутаты потребуют увеличения. Но галисийские, валенсийские, арагонские депутаты захотят, чтобы пшеница свободно ввозилась в Испанию. Если речь пойдёт о тканях, Каталония будет расходиться во мнениях с большей частью остальных регионов страны. Если речь пойдёт о вине, Андалусия и Кастилия, например, будут думать иначе, чем Галисия и Астурия. Что произойдёт тогда? Депутаты, подчиняющиеся в первую очередь приказам

правительства, а не воле страны, которая к тому же не может сформировать единого мнения, вступят в сделки и соглашения, результатом которых станет противоречивый или бессодержательный закон, который не будет отвечать ни общественным, ни частным интересам, закон, который оставит недовольными всех и вызовет бурные протесты; наконец, закон, который будет отвечать исключительно правительственным интересам, это будет грубая амальгама, состряпанная законодателями.

Парламенты коллективно представляют свои страны. Разнородная группа людей приписывает себе представительство всего народа. Её миссия заключается в удовлетворении общих потребностей, но не потребностей каждой группы избирателей. Так обстоят дела, по крайней мере, в теории. Но откуда эти представители узнают об общих интересах и потребностях, если они не способны даже отдавать себе отчёт в самых непосредственных интересах и потребностях избирающих их групп? На практике, всё происходит иначе. Представители одной страны наиболее удобным для себя способом приспособляются к предполагаемым потребностям своих избирательных округов; но в результате, даже если кастильские депутаты голосуют за то, к чему стремится Кастилия, например, они всегда будут побеждены голосованием своих коллег по парламенту, и таким образом кастильцам придётся терпеть волю большинства округов. И так происходит всегда, даже если и предположить, что в истории случался какой-то уникальный случай, когда семнадцать или двадцать миллионов человек полностью сходились во мнениях по поводу принятия какого-либо закона или нормы. Не существует таких законов, которые действительно отвечали бы общим интересам и потребностям, потому что правительственная законодательная фикция является исключительно метафизическим, неопределённым, смутным понятием, тенью; причём тенью без тела.

Даже и без этого понятно, что благодаря самой своей процедуре, ни один закон не может выполнять тех широких функций, которые ему приписывают. Члены парламента, избранные голосованием, даже получив самое настоящее большинство голосов, оставляют без какого-либо представительства остальные группы граждан в полном соответствии с формулировками принятых законов. И, поскольку впоследствии эти группы абсолютно не участвуют в единогласно принятых постановлениях законодательного органа, в результате у всех законов следует отнять согласие избирателей, чьи кандидаты проиграли на выборах и которые не сходятся в своих мнениях с большинством, а также согласие воздерживающихся от участия в выборах избирателей; что, в переводе на язык краткости, подразумевает мнения огромного большинства жителей страны.

Тем не менее, рассмотрим аргументы федералистов. Они скажут нам, что всё это абсолютно верно; но что это происходит из-за централизованной системы нашей политической организации. Что они имеют в виду? Они имеют в виду, что то, что мы сказали об общенациональных парламентах, вовсе не касается местных, региональных парламентов и тем более муниципалитетов. Федерация раздробляет этот феномен, но не уничтожает его. Должно быть абсолютно понятно, что то, что касается сегодня крупной страны, завтра коснётся мелких стран, основанных на федеративном принципе. Автономия лишь сужает вопрос до более мелкой сферы. Кроме того, даже внутри федерации, часть полномочий остаётся в руках центральной власти; поэтому наша критика применима не только к общенациональным ассамблеям, но в равной мере и к региональным парламентам и

муниципалитетам. Зло зарождается не в более или менее централизованной структуре органа, а в самом законодательстве и деспотизме закона количества, который в качестве принципа политического действия приемлет и федерализм и унитаризм.

Поэтому, какой бы не была политическая система, в результате у власти всё равно всегда оказывается меньшинство.

Даже не говоря о безнравственности, присущей выборному органу, о злоупотреблениях властью на местах и о всемогуществе влияния официальных властей, это зло принадлежит не одной только Испании, оно присутствует во всех конституционных странах, в которых закон власти большинства является чудовищной фикцией, узаконивающей организованные злоупотребления властью со стороны тех, кто сделал себе из политики прибыльное ремесло, позволяющее им увеличивать свои личные состояния при помощи гораздо более низменных методов, чем методы классических разбойников со Сьерра-Морены или с гор Толедо, на классических землях Дон Кихота и Санчо Пансы.

При этом нельзя делать вывод о том, что закон количества станет истиной после всеобщего распространения избирательного права и триумфа демократии, потому что, даже без многочисленных примеров, которые дают нам республиканские страны, достаточно вспомнить период революции в Испании, когда депутатов назначали снизу при помощи палочных ударов, если не выстрелов; стоит также вспомнить, что в отсутствие правительственного деспотизма, всегда выживал деспотизм местных органов или партий, деспотизм низовых комитетов; стоит вспомнить, как в течение этого периода преследовали, давили, бросали в тюрьмы и депортировали всех тех, кто мешал своим нетерпением, интернационализмом и тысячей других мелких мотивов, и что у этих преследований не было иной цели, кроме как гарантировать себе большинство, чья поддержка была необходима для того, чтобы удержаться у власти (1873).

В конце концов, если кто-то захочет настаивать на том, что самая совершенная демократическая справедливость не оставит камня на камне от нашей критики, мы спросим: И как же можно гарантировать равные условия и свободу при голосовании для крестьянина, зависящего от землевладельца, который платит ему зарплату, от ростовщика, который выдаёт ему кредиты и от разбойника с гор, который угрожает ему? Как сделать так, чтобы его личную свободу не ограничивал священник, со своим правом анафемы и отлучения? Как сделать так, чтобы фабричный рабочий мог голосовать против воли владельца своей фабрики, когда тому понадобится собрать сотни голосов при помощи простой угрозы, высказанной или подразумеваемой, лишить его хлеба насущного на следующий же день? Как сделать так, чтобы подавляющее большинство общества, живущее в унижительной зависимости от богатого меньшинства, могло свободно изъявлять свою волю?

Рабочий и крестьянин прекрасно знают, что не распоряжаются своими голосами, что ими распоряжается их хозяин, который может их уволить. В тысячах случаев, одного страха потерять зарплату достаточно для того, чтобы рабочий или крестьянин отказались от всех своих индивидуальных прав. Служащие государственных и частных предприятий рассуждают точно так же, и с лёгкостью заранее отказываются от своего волеизъявления в пользу добровольного рабства. Мелкие предприниматели и торговцы не могут забыть о

своих договорённостях с крупными капиталистами, принимающими векселя или делающими у них заказы. Свобода, о которой мечтают демократы, просачивается таким образом сквозь пальцы. И этого не может отменить ни монархия, ни республика.

Было бы абсолютно бесполезно доводить этот вопрос до крайностей. Закон большинства прекрасно подходит для деспотического господства привилегированного меньшинства, не столько отличающегося признанными талантами или добродетелями, сколько навязанного народу всеми возможными хитростями и несправедливостью.

Этот предрассудок достаточно силен, для того чтобы даже сомнение в добродетельности, всезнании и доброте намерений большинства считалось безумством; однако опыт и размышления указывают на лживость закона большинства, который всегда бесповоротно превращается в самую разнузданную тиранию меньшинства.

III. Разум – это не привилегия большинства, а развитые умственные способности, которыми пользуется свобода

Законодательные функции являются негативными и централизующими по своей природе; свободное согласие автономно и жизнеспособно. Зло заключается в самом законе, и оно не допускает компенсирующих вариантов.

Если изучение фактов демонстрирует лживость закона количества, разумная критика принципов, на которых он основан, представляется излишней. Но если учитывать всю силу озабоченности множества неверующих, этот наш труд всё-таки представляется небесполезным.

Результаты безумия самого этого принципа часто списывают на грубую реальность, и, несмотря на все доказательства противоположного, продолжают доказывать возможность общественного управления решениями большинства. В связи с этим, мы хотим продемонстрировать, хотя бы и под риском сделать эту работу монотонной, лживость этого закона количества во всех его аспектах.

Будучи убеждёнными в существовании радикального антагонизма между индивидуальной свободой и порабощающим преобладанием большинства, мы отрицаем любую власть, как установленную силой, так и установленную количеством. Для того чтобы индивид и группа могли сосуществовать, не уничтожая друг друга, необходимо упразднить любую форму их власти друг над другом. Для нас, как для людей, чьи идеалы основаны на безграничной личной свободе, АВТОАРХИЯ является обязательной формой общественного сосуществования. Благо одного следует уважать так же, как и благо всех, потому что

только при условии совпадения интересов, свобода станет реализованным фактом. Вот почему мы либертарианцы и вот почему мы социалисты: потому что мы считаем, что корни любого противостояния между индивидами, или коллективами, или теми и другими, кроются в форме индивидуального присвоения, из чего мы делаем вывод о том, что социальная гармония может быть осуществлённой через общее владение богатствами при полной свободе действий индивидов и групп.

И поскольку этот критерий свободы исключает любую попытку подчинения большинству, мы продемонстрируем, что закон количества лжив сам по себе и что общество может управлять всеми своими делами без каких-либо избирательных процедур.

Вопреки сторонникам этого т.н. закона, мы утверждаем, что большинство, или вернее самозванное большинство, пользуется неограниченными правами, и это, разумеется, подтверждается на практике.

Этот закон практически никогда не исполняется; большинство его избегает; самые энергичные протестуют против него. В чём же он заключается? В реальной невозможности отразить огромное разнообразие интересов, обычаев и условий в одном или в нескольких законах. Каждый индивид, каждый коллектив вполне различимо отличается от других; в то время как этот закон сводит всех к единому знаменателю и заставляет всех работать и вести себя одинаково. Общие интересы нельзя защищать одинаково, потому что общность никогда не бывает без разделения и расхождений, без различий и противостояния. Для того чтобы подтвердилась тождественность интересов, необходимо, чтобы установились отношения солидарности, снизу, спонтанно и добровольно, от индивида к индивиду и от группы к группе, так чтобы в результате в эти отношения вступили более или менее все члены общества. Затем, в этой последовательной организации составных единиц, каждая из них должна будет сохранять своё особенное своеобразие и личность, т.е. всю свою свободу. Тогда, в отсутствие реальных побудительных мотивов, больше не происходило бы бунтов, поскольку эта общественная организация по самой своей природе обрела бы постоянство, в качестве сознательного продукта всех своих компонентов во все моменты времени и во всех местах. Подобный процесс полностью бы противоречил закону большинства, потому что был бы основан и покоился бы на свободе личности, отрицая непреложное право законодателей принимать решения от имени большинства.

Теперь мы подвергнем анализу то, что мы отрицаем, и покажем справедливость этого нашего отрицания.

Ограничимся пределами одной страны.

Всех нас, живущих в Испании, например, интересует поддержание торговых связей с другими странами. Что мы должны делать? Вынесем ли мы решение в пользу свободного торгового обмена? Будем ли мы голосовать за протекционизм? Эта тема требует большой прозорливости и практически единогласного решения. Несмотря на это, мнения неминуемо разделятся: одни захотят есть и одеваться бесплатно, не думая о параличе общенациональной трудовой занятости; другие захотят увеличить эту занятость, не обращая никакого внимания на нехватку хлеба, мяса, вина, одежды и т.д. Будет ли у тех

право навязывать нам вынужденную праздность и нищету? А у этих заставляя нас вкалывать до седьмого пота, для того чтобы положить конец этой праздности и голоду, когда система дойдёт до крайностей?

Согласно сторонникам закона количества, настоящим решением обладает несколько тысяч тупиц, которые, благодаря своему большинству, обладают верховным правом управлять нами. Фактически власть большинства – это призыв принимать решения, которые быстрее всего приводят ко всеобщему обнищанию; большинство, по веским причинам или без них, выберет гибель страны или из-за избытка импортируемой продукции, или из-за недостаточности собственного производства; большинство обратится к варварскому обычаю умерщвления голодом; большинство будет обладать достаточной властью для того чтобы делать всё, что ему вздумается без каких-либо возражений или ограничений.

Рассмотрим другой пример.

Все испанцы хотят жить в мире с другими странами. Но, предположим, что в Китае, заслуженно или незаслуженно, убьют нескольких испанцев. В обществе тогда разыграются страсти, и, как всегда, патриоты, даже спокойно оставаясь дома, будут требовать мести. Здравомыслящие люди, т.е. меньшинство – мы сейчас представляем себе режим реального, а не фиктивного большинства – посчитают, что обмен смертей нескольких китайцев на смерти нескольких испанцев не является достаточным поводом для отправки на бойню двух народов, во всём остальном достаточно равнодушных друг к другу. И, несомненно, превалировать будет не здравый смысл, а слепая воля автоматического большинства, которое обладает правом заставляя нас убивать и гибнуть.

Что можно сказать об организации страны? Страна должна быть организована так, чтобы в ней хорошо жилось людям, а общественная жизнь зависит от принятых этой страной политических форм. Предпочитаем ли мы республику? Принимаем ли мы монархию? Выбираем ли мы централизацию? Или хотим быть федералистами? Решение остаётся за большинством, за всемогущим большинством. Если я не хочу короля, оно посадит мне его на шею. Если я не люблю президента, мне придётся с ним мириться, несмотря на то, что я его за многое не уважаю. Если меня одинаково отталкивают унитаризм и федерализм, я должен буду всё равно нести на себе тяжёлый крест одного из этих сложных механизмов. А культы? Верю я или нет, я должен будет платить культу и его клиру, жить и умирать с именем Бога, навязанного мне большинством.

Зачем нам нагромождать здесь примеры?

Уже благодаря тому, что большинство обладает полномочием выносить решения по всем вопросам, оно должно быть обучено всем наукам. Но его безграмотность также безгранична, как его прерогативы. Большинство может устанавливать самые абсурдные правила общественного здравоохранения и гигиены. Оно может регламентировать сельскохозяйственные работы, устанавливая, когда жать, когда сеять, в зависимости от того, как ему взбредёт в голову. Оно может устанавливать законы для цехов, фабрик и семей; а в день смерти, в момент полной агонии, его решения будут преследовать наше разложение, определяя в скольких локтях под землёй следует закопать наше тело.

Нам возразят, что его права не так уж и безграничны. В ответ мы спросим, можно ли отрицать, что большинство навязывает нам свои решения с момента нашего рождения до самой нашей смерти? Разве можно отрицать, что гигиена, труд, да и всё существование регламентируются большинством?

Наконец, если его права ограничены, кто их ограничивает? Философы, метафизики, теологи закона количества изобретают самые хитроумные способы сокрытия истины; но кто может наложить ограничения на большинство? Разве может большинство добровольно отказаться от своей власти или уменьшить её! Это было бы воистину чудом, достойным иллюзиониста!

Несомненно, закон большинства – это не закон разума, это даже не закон возможностей разума. Социальный прогресс происходит вопреки ему, благодаря импульсам, исходящим от меньшинства, или, что ещё более вероятно, благодаря энергии индивида, открыто бунтующего против массы. Все наши достижения были реализованы благодаря постоянным индивидуальным возражениям на общепризнанные утверждения человечества. Разумеется, последнее, приняв впоследствии эти индивидуальные гипотезы, приписывает их себе; но на деле подобный импульс никогда не исходил от большинства.

Новый Свет был открыт вопреки мнению большинства, как против мнения большинства паровоз побегал по рельсам, а слово может лететь теперь из одного конца мира в другой на непостижимой скорости. Вопреки мнению большинства, корабли теперь могут плыть в море без парусов и без вёсел, и против ветра. Наконец, вопреки мнению большинства теперь можно бороздить воздушное пространство и глубины океана, точно так же, как в недалёком будущем, из руин современного мира поднимется новый прекрасный мир, как это предчувствует горстка безумцев, к которым мы имеем честь причислять и себя.

Разве не пали абсолютные монархи вопреки мнению большинства? Разве не лишились своих тронов конституционные монархи? Разве мы не уничтожили рабство? Разве мы не уничтожили крепостничество? Разве мы не освободим точно также в скором времени пролетариат, последнюю форму эксплуатации человека человеком? Разве не происходит в различных аспектах и вариантах то же самое с религиозной эволюцией, вплоть до того, что сегодня весь мир отрицает догму в пользу свободомыслия и предпочитает атеизм всем существующим религиозным властям?

Вся, абсолютно вся история, является отрицанием закона количества, этого варварского, именно варварского закона количества. Каждый шаг, сделанный нами в открытой борьбе связывает нас с завтрашним днём. В науках и искусствах, точно так же как в политике, экономике и повседневной жизни, всё происходит вопреки воле и решениям большинства.

Продолжим ли мы воспевать прекрасные качества большинства, его всезнание и вечную правоту? Отважмся ли мы поставить под сомнение безграничные, или ограниченные права большинства?

IV. Примеры и ошибки закона большинства

Перейдём к другому уровню наших соображений.

Завтра, двадцать, сорок, сто индивидов учредят общество для распространения светского образования. Каждый будет прилагать свои моральные силы, своё положение в обществе и свои деньги для достижения общих целей. Может ли большинство на следующий день распорядиться так, чтобы все средства и ценности группы были переданы на религиозное образование? Если нет, то этим закон количества со своими ограничениями отвергается. Если да, то закон большинства является законом силы и грабежа, возведённым в принцип справедливости.

Здравый смысл говорит, что, в любом случае, если члены общества расходятся во мнениях, общество должно быть распущено. Каждый участник будет свободен поддерживать связи со своими коллегами и реализовывать свои чаяния.

Может, конечно, произойти и так, что участники группы сходясь в целях, не сходятся в средствах. Они могут захотеть, чтобы образование предоставлялось только определённым людям на определённых условиях. Другие могут захотеть, чтобы оно предоставлялось всем без каких-либо различий. Разумно было бы вводить ограничения только потому, что этого хочет большинство? Если бы это было так, это означало бы возводить алтари привилегии, отдавая предпочтение безграмотности и эгоизму перед разумом и непредвзятостью. И в этом случае, как всегда, закон количества предстал бы в качестве власти силы и невежества.

Подобному расхождению во мнениях, соответствует и расслоение в обществе. Каждая группа должна бы иметь свободу работать так, как ей кажется лучше, и опыт покажет всем наилучший путь для достижения поставленных целей

Нам могут заметить, что ассоциации нестабильны, на что мы заранее ответим, что из-за иерархического мышления и поведения со стороны одних участников по отношению к другим на практике нельзя рассчитывать на какие-либо длительные результаты и что, поскольку опыт является главным критерием разрешения всех споров, всегда предпочтительнее иметь множество разных практических подходов, чем ограниченное количество уже установленных. С другой стороны, понятно, что любая группа должна ещё до собственного учреждения конкретно и ясно представлять себе свои цели и средства, которые она собирается использовать, и всегда поддерживать полную личную независимость. При этом условии, у неё потом или вообще, или почти не будет проблем; а те пустяки, к которым участники обычно равнодушны, потому что они не стоят того, чтобы из-за них разделяться во мнениях, будут разрешаться при полном общем согласии и без ненужных волнений. В общем и целом, в обществах, регулирующих и подчиняющихся закону количества, все эти мелкие вопросы решаются не большинством, а волей самых активных участников, будь их мало или много. В этих частных ассоциациях, в которых закон

не является основополагающим принципом, именно в качестве закона, происходит то же самое, что и в политических сообществах. Мелкое ядро индивидов управляет всем, распоряжается всем, и все им подчиняются.

Тот, кто состоит или состоял в сообществах по досугу, кооперации, политике и т.д., наверняка видел или постоянно видит постоянную внутреннюю борьбу из-за самой настоящей чепухи. Вопреки т.н. закону, под руководством всезнающего большинства не бывает ни одного мирного момента. Люди в них постоянно сцепляются, раздражаются и борются за превосходство по самым ничтожным поводам, как с основаниями, так и беспричинно; почти всегда беспричинно. В чём точно отражается их своеволие, так это в том, что они постоянно провоцируют недовольство и в то же время не терпят его, но при этом, к их глубокому сожалению, социальные вещи находятся в полном беспорядке, хотя они и утверждают обратное.

И, тем не менее, ничто не указывает нам на неэффективность этого закона? На его негативные последствия? На тысячи вызванных им потрясений?

Как объяснить себе упорство, с которым общественное мнение продолжает цепляться за закон количества, несмотря на все факты, доказывающие обратное?

Как объясняются все человеческие ошибки? С одной стороны, заинтересованностью тех, кто нас им учит. С другой, самим предрассудком, унаследованным и передающимся от человека к человеку в течение столетий.

Наконец, самые искренние люди сходятся в том, что всё то, что говорится против режима большинства разумно; но они не представляют себе, как можно устроить общество иначе. Они признают, что существующие протоптанные дорожки плохи, но, тем не менее, не представляют себе возможности обходиться без них.

Как только мнимым или реальным большинством принимается какой-либо закон, появляется множество недовольных, которые просят изменить, реформировать этот закон, и они просят об этом как раз тех, кто редактировал его; тех, кто голосовал за этот закон и принимал его. Вне зависимости от того происходит реформа или нет, суть в том, что большинство, или его представители всё время запутываются сами и запутывают всех. Ошибку всегда просят исправить тех, кто допустил её.

Парламенты, как огромное политическое заблуждение, являются производным от предрассудков большинства. Это настоящая плоская земля в центре Вселенной, несмотря на все доводы и доказательства обратного.

V. Общественное право и свобода ЛИЧНОСТИ

Понимает ли читатель, откуда появляется и как развивается эта наша озабоченность? Измерили ли мы всю глубину этого зла? Показали ли мы гигантские размеры этого фетишизма количества, порождающего все наши беды? Обратили ли мы внимание на медленную работу капли воды, падающей на наши головы с самого нашего рождения до самой нашей смерти, помогая нам сохранять и увеличивать этот предрассудок, который нас душит?

Если наши читатели не являются массой, мёртвой для размышления, они также поймут, почему нас учат как аксиоме принципу борьбы между людьми, натравливая одних людей против других, как хищников в цирке; они поймут, почему нас учат верить, что мир не может развиваться без руин и трупов; они также поймут, что для того чтобы оправдать господство немногих над многими фальсифицируется наука, коррумпируется образование и деморализуются традиции. Весь мир заставляют верить в неизбежность зла и в постоянную необходимость войны, лишь бы эту войну не объявляли низы верхам.

Точно так же, образование становится ядом для многих умов, которые обрекаются им на отчаяние и пессимизм, для того чтобы аннулировать их силу протеста или добиться их равнодушия.

Для закона естественности, борьба между людьми вовсе не является фатальной необходимостью, точно так же, как прогресс вовсе не проистекает из опустошительных войн, так что, если империя силы, как конкретное выражение власти большинства, была бы уничтожена, весь прогресс реализовывался бы мирным путём, через быстрое или медленное принятие улучшений всем человечеством. Господство силы является временным, потому что происходит из военной организации общества, основанного на праве сильнейшего, искусственно построенного в контексте, вырванном из Естественности. Если бы общество было организовано мирным трудом; если бы оно было основано на сотрудничестве, вместо борьбы, хотя бы потому, что в естественном мире принцип взаимопомощи между живыми существами обладает, по крайней мере, одинаковым, если не большим значением, чем принцип борьбы за выживание и силы, эта слепая борьба уступила бы место разуму, который выбирал бы свой курс через опыт или сравнивая различные виды человеческой деятельности.

Однако в отношении закона количества мы хотели бы в первую очередь обсудить политический мистицизм, который мы хотели бы изгнать, политический мистицизм общественного права, во имя которого были сформированы тысячи партий и тысячи школ со своими тщетными претензиями возродить мир с вершин власти при помощи самих отвергаемых принципов. Фактически, мы хотим обсудить, может ли коллектив диктовать правила своим компонентам; потому что если он может это делать, у него нет иных средств для реализации этого права, кроме закона количества; а если, напротив, у него нет этой власти, то империя большинства утрачивает свой фундамент.

Что такое общество? Это не агрегат и не сумма, хотя оно и содержит в себе множество сумм, у него нет точного и конкретного итогового результата. Является ли группа индивидов, их агрегат, чем-то отличным от них самих, чем-то более значительным?

Является ли общество существом высшего порядка, обладающим собственной личностью, отличной от его компонентов? На деле, общество – это абстракция нашего сознания, которая необходима нам, для того чтобы хоть как-то выразить некое скорее абстрактное, чем реальное соединение.

Точно так же, как о таких понятиях, как «всё» или «ничто» у нас есть лишь абстрактные представления, не подтверждаемые ежедневным созерцанием ограниченных и конкретных вещей, концепция общества как соединения, является лишь отвлечённой идеей, берущей начало в необходимой ментальной операции.

Но если у общества нет определённой личности, откуда берутся все претензии на т.н. общественное право? Что это за право такое? Ничто; это просто метафизика, политическая теология. Это религиозный предрассудок, рождённый и выкормленный ходом повседневной жизни.

Точно так же, как во имя религиозных предрассудков в своё время были пожертвованы тысячи осуждённых, отлучённых и изгнанных живых существ, теперь во имя политического суеверия общественного права приносится в жертву человеческая индивидуальность, растаптываются права личности, топится в крови истина, смело формулируемая человеком науки, или человеком смело стремящимся положить конец несправедливостям себе подобных, или, наконец, человеком, решившим противопоставить свои собственные права брутальной силе количества.

Под покровительством общественного права, во имя общественного здоровья, как говорили мистические революционеры, индивид подвергается всем видам пыток и осмеяния. Под покровительством общественного права, во имя общественного здоровья, в жертву приносится, всё то, что ему мешает, и каждый день истязается само это общественное тело, поднятое на алтарь под видом верховного и всемогущего существа. Если справедливо отрезать головы двадцати тысячам или ста тысячам человек, лишь потому, что большее количество обладает преимуществом, хотя бы и фиктивным, то под топор изверга должны попасть двадцать или сто тысяч человеческих голов. Если справедливо урезать права и свободы, то можно урезать всё, для того чтобы были удовлетворены общественные требования. Если справедливо бросать на бойню войны два или несколько народов, которые ничего не имеют друг против друга, их бросят на эту бойню, и при этом не дрогнет сознание всезнающих законодателей, которые, во имя общественного права, заботятся об общественном здоровье человечества. Общественное право является политическим воплощением идеи Бога. В своё время эта идея была навязана человечеству, подвергнув его ужасным страданиям, сегодня политические революционеры *suí generis* навязывают нам идею общественного права, подвергая нас постоянным моральным и материальным пыткам.

Перед лицом т.н. общественного права, мы должны ещё выше поднять наше знамя индивидуальной свободы. Перед лицом деспотизма группы, мы обязаны отстаивать независимость человеческой личности и уважение к ней.

Моё право, моя свобода, моё здоровье, моё благополучие, значат столько же, сколько и права, благополучие, свобода и здоровье большинства. Я не согласен терпеть или

соглашаться с произволом как одного, так и многих. Количественное превосходство не значит ничего для меня. Каждый свободен работать так, как ему нравится. Если нам нужна помощь от других людей, мы должны быть свободны обращаться к ней, объединяться и сотрудничать в общих целях. Но мы делаем это, и хотим это делать, ради нас самих, по нашей собственной воле, а не по чьему-либо приказу.

Общественное право вместе с законом большинства, представляет собой вечную опеку над народами, принесение в жертву индивидуальности, отмену мысли и смерть самых дорогих чувств. Против этой вредоносной доктрины, революционный социализм объявляет полную личную независимость и свободу действия всех людей в мире равенства, солидарности и справедливости.

VI. Против закона и избирательного права, разум и свободное согласие

Узаконенное общественное право разобщает. Уважение к человеку является реальным действенным и связующим принципом.

Продемонстрировав фальшь практики и теории закона количества, мы не можем признать правоту за какой-либо из различных социальных групп, обсуждающих вещи общественного значения, и, кроме того, утверждая против т.н. права большинства индивидуальное право, мы хотим теперь развить рассмотрение этих принципов и их практического противостояния.

Против общественного права, как выражения деспотизма различных камарилей, против принципа авторитарной власти, узаконивающего это право, мы утверждаем принцип свободного договора, как средства и инструмента отношений между людьми.

Из свободы действия непосредственно проистекает идея договора. Каждый индивид, хозяин сам себе, должен вступать и будет вступать, под воздействием чувствуемых им потребностей, во взаимоотношения с людьми, близкими ему по роду деятельности, вкусам и тенденциям. Даже сегодня потребности заставляют одних индивидов вступать в контакт с другими, что позволяет группам достичь взаимопонимания и общих целей. Правительство, со своим сложным механизмом, лишь постоянно мешает гармонии социальных отношений. В ходе работы, производства и потребления, договор является фундаментальным принципом любой группы; взаимное соответствие участников является единственной гарантией для обычного существования; свобода является единственным средством сохранять все различия. Точно так же, в ходе моральных взаимоотношений, эволюция человеческой жизни продолжается благодаря обычаям.

Избавившись от всех препятствий, от любого правительственного и юридического принуждения, мешающего индивидуальному и коллективному развитию, эволюция обычаев, эволюция методов общественного сожительства, эволюция самих людей и вещей, прогресс, достижение целей, смогут осуществляться в истинной свободе.

Представим себе, что всё то, что вводится или запрещается при помощи насилия, может вводиться или отменяться мирным путём. Любые связи или разъединение, неизбежные в качестве продукта императивных потребностей, должны воспроизводиться не посредством борьбы и применения силы, а благодаря спонтанному и свободному волеизъявлению элементов, чувствующих эти потребности. Это наша теория свободы во всей её чистоте. Мы хотим, чтобы индивиды и группы, образованные в равных условиях, могли свободно понимать друг друга, искать друг друга, объединяться или разъединяться. Мы хотим свободных ассоциаций индивидов, складывающихся в результате индивидуальных спонтанных инициатив, а не в качестве решений каких-либо политических, экономических или религиозных органов. Федерация свободных производителей станет неизбежным результатом личной автономии. Эта организация, чуждая любой юридической однородности, неизбежно должна будет сохранить самое богатое разнообразие форм и целей. В соответствии с разнородностью самой жизни и с широчайшим развитием науки и техники, множество групп, идей, методов, будет гармонично соответствовать огромному разнообразию потребностей. Группы могут свободно самораспускаться и модифицироваться столько раз, сколько этого пожелают их компоненты. Они могут самораспускаться, формироваться заново, разделяться или воссоединяться, столько, сколько им понадобится. Если одна из групп не будет согласна с другой, она будет свободна следовать своей дорогой, и никто ей в этом не сможет помешать. Если индивид хочет отделиться от группы, он может свободно объединиться с другой группой, с которой он будет в большей согласии. Лишь при этом условии общественная жизнь сможет гармонично и мирно развиваться; лишь этой ценой в качестве непосредственного и необходимого результата полной личной свободы будет развиваться новый порядок.

Нам могут возразить, что мы уповаем на возвращение в первобытное, дикое состояние. На это мы можем возразить, что наша блестящая цивилизация может многому поучиться у первобытных времён, о которых говорят с неоправданным презрением и пренебрежительностью.

Помимо того факта, что отстаиваемая нами социальная организация полностью соответствует безграничному разнообразию самой жизни; помимо того факта, что сами наши достижения не позволят нам скатиться в дикое состояние, потому что каким бы ни был социальный порядок, в котором мы живём, завоевания прогресса и науки сохранятся всегда, мы обладаем достаточным количеством данных, позволяющих нам утверждать, что в первобытных обществах встречается истинный принцип общественной жизни, отсутствующий или скрытый в наших обществах из-за их перманентных войн.

«В мелких, неразвитых обществах – говорит Спенсер -, в которых веками царит абсолютный мир, не существует ничего подобного тому, что мы называем правительством; в них отсутствует какая бы то ни было принудительная организация, кроме почётно авторитета, проявляемого в отдельных случаях. В этих экстраординарных сообществах, которые абсолютно неагрессивны и свободны от любых проявлений агрессии, настолько редки отклонения от фундаментальных добродетелей, честности, искренности, справедливости и щедрости, что, для того чтобы сдерживать подобные проявления достаточно разового проявления общественного мнения, выражаемого собраниями старейшин, созываемых нерегулярно, от случая к случаю».

Абсолютно дикие, по свидетельству Хартшона, веды из лесов без какой-либо социальной организации, представить себе не могут, чтобы «кто-то мог захватить всю власть, которая ему не принадлежит, ранить своего товарища или солгать».

Бечуаны – из «Путешествий во внутреннюю южную Африку» Берчелла – «подчиняются обычаям давних времён».

Среди готтентотов коранна, «когда это не запрещено древними обычаями, каждый имеет право делать то, что сам считает справедливым». (Томсон, «Путешествия по Южной Африке»).

Арауканы «подчиняются только первобытным обычаям или молчаливому соглашению». (Томсон, Географический словарь и история Америк, изд. Alcedo).

О даяках Баия Брук говорит, что они просто возвели свои обычаи в закон, и их нарушение карается штрафом. («Десять лет в Саравак»).

Среди североамериканских индейцев, вроде племени снейк, в котором нет правителей, уважают владельцев лошадей. Между чипавеями, у которых также нет правительства, дичь, попадающая в сети отдельных членов племени считается индивидуальной собственностью. (Скулкрафт, «Экспедиция к истокам Миссисипи»)

Можно процитировать много аналогичных фактов, связанных с обычаями ахтов, команчей, эскимосов и индейцев Бразилии. «Среди различных нецивилизованных народов – добавляет Спенсер – установился обычай уважать право на плоды, произрастающие на распаханном кем-либо поле, хотя и нет права на саму землю».

Не правда ли, подобные порядки намного выше, чем организованный, узаконенный грабёж цивилизованных народов? Не правда ли наша великая моральная распущенность, наша безграничная развращённость, наши бесчисленные преступления, ужасное упадочничество наших обычаев сбрасывают нас на сотню тысяч уровней ниже этих диких народов, этих презренных варваров?

Не говоря уже о фундаментальных добродетелях честности, искренности, справедливости и щедрости. Несчастные веды, арауканы, готтентоты, бечуаны, все первобытные народы, к сожалению огрубевшие из-за условий своей жизни, обладают качествами, которым мы можем лишь позавидовать.

Несмотря на упомянутые и многие другие факты, которые мы могли бы собрать, фетишизм правительства настолько силён, юридические предрассудки настолько глубоки, вера в святые права всезнающего большинства так сильна, что все продолжают подчёркивать смехотворность воображаемого регресса, абсурдность возвращения к варварству, которое считается отвратительным животным состоянием примитивного человечества.

Никого не убеждают даже очевидные примеры того, что происходит сегодня. Бесконечное количество вещей в наше время управляются обычаями гораздо больше, чем законами, и зачастую вопреки этим законам. В торговле оказывается доверие без необходимости в

каких-либо законах, и она развивается большей частью вне правового поля. Самые утончённые торговые отношения устанавливаются на встречах и в соответствии с давними обычаями. Законы появились намного позже и остаются самой настоящей помехой для торговли. Они не служат даже наказанию нечестности в кредитах, потому что мошенники, как правило, спасаются благодаря фальшивому банкротству.

В частных и общественных отношениях, в производстве и труде, в социальной жизни, высшим законом служат обычаи. Большинство законов являются для людей мёртвой буквой. Законы – это настоящая помеха в жизни народов; это ловушки и капканы, которые хорошо знают лишь адвокаты и сутяги. Напротив, обычаями, при всём своём огромном разнообразии от народа к народу, от региона к региону и от страны к стране, мы всегда руководствуемся в наших действиях и во всей нашей жизни. Поэтому люди должны освободить своё существование путём постоянных бунтов и подрывных действий. Более того, поскольку для того чтобы избежать принудительной силы закона, для того чтобы работать в соответствии со своей собственной волей, приходится быть нечестным, несправедливым и эгоистичным, предпочитая собственные интересы всем соображениям, в результате закон, созданный большинством, является причиной всех наших бед и абсолютным отрицанием личной честности и человеческой свободы, принося блага огромному большинству идиотов или меньшинству хитрых бездельников.

А если бы искренняя практическая жизнь некоторых народов соединилась с реальностью цивилизованного существования, и, вопреки всем законам, доказала бы, что закон большинства не только ложен, но и бесполезен и бессмыслен, что мы сказали бы всем неверующим фанатикам цифр, поклонникам этого современного фетиша?

Атрофированные мозги неспособны понять социальное существование в его истинно позитивной стороне, или предпочитают видеть лишь её искусственную сторону. Политические предрассудки ослепляют их, и любые попытки вернуть им зрение тщетны. Мы сомневаемся, что они способны прижиться в новом мире и адаптироваться к новым методам жизни.

VII. Практическая деятельность ассоциации, основанной на свободном опыте

Что ж, нам скажут: покажите нам, как, не прибегая к голосованию, могут управляться общественные группы, потому что, несомненно, между первобытными обществами и современным обществом, существует огромная разница, поскольку последнее обладает бесконечно более широкой сферой деятельности по сравнению с первыми. В первых средства и цели конкретны и определённы, в последнем они разнообразны и их количество бесконечно. Предположим, что вы основали ассоциации по производству, обмену и потреблению, которыми каждый может управлять так, как ему больше нравится, в которых

все обладают одинаковыми правами и одинаковыми средствами к существованию; как вы будете осуществлять всё это на практике?

Мы ответим: точно так же как сегодня функционируют торговля и промышленность. Возьмём торговую ассоциацию: как только они сформулируют устав, у её участников нет необходимости обращаться к голосованию. Каждый обладает своей, чётко определённой функцией. Администратор следует правилам бухгалтерии. Директор следует техническим рекомендациям. У них совершенно нет необходимости голосовать за ход и распределение товаров. Если участники в каком-либо случае ведут переговоры о том, чтобы предпринять новые работы, или расширить сферу своей торговли, то, конечно, решение всегда принимается с согласия всех. В отсутствие этого согласия, общество ограничивается тем, о чём оно уже предварительно договорилось. Это происходит повседневно. Но если случайно, в исключительном случае, одна часть участников общества решает следовать новому курсу, это приводит к немедленному роспуску общества. Мы не будем рассматривать редчайший случай, когда разногласия заканчиваются шумной судебной тяжбой, потому что подобные конфликты интересов невозможны без привилегий собственности, а остальные частные различия всегда можно разрешить при помощи дружеских мер в обществе без правителей и без привилегированных судей.

Реально ли то, что мы говорим? Можно ли распространить подобный опыт на всё общество?

Очевидно, что это реально и что это можно распространить на всё общество.

Давайте применим этот метод к будущим ассоциациям производителей, обратившись, при его применении, к практическим примерам, которые нам время от времени дают рабочие, с которыми нас связывают узы дружбы и товарищеских отношений. Речь идёт, например, об ассоциации механиков, основанной для обслуживания потребностей той или иной производственной отрасли. При её учреждении, само собой, будут оговорены условия труда, установлены обязанности участников и определены отношения взаимности между нашими участниками. Если соответствия нет, общество не будет учреждено. Точно так же сегодня, любая группа формируется с согласия, образующих её элементов. Может произойти так, что вместо одного общества, сформируется двадцать, в чём мы не видим большого зла, потому что, по закону необходимости, этим различным обществам всё равно придётся объединиться и основать одно большое общество. Опыт научит всех одному общему пути, если в реальности есть лишь один.

Изучим некоторые отдельные случаи. Возьмём обычно организованный литейный цех, соответствующий нашей точке зрения. Мы считаем, что нет никого, кто счёл бы это невероятным. Летом, по словам нашего дорогого друга, условия труда в цехе становятся невыносимыми. Крыша сделана из цинка, вентиляции недостаточно и стоит непереносимая жара. Что делать? Работать только рано утром? Многие в это время предпочтут заниматься чем-то другим. Сделать так, чтобы одни работали по утрам, другие по вечерам? Сама природа труда, скорее всего, потребует, чтобы все работали одновременно. Необходимо или прийти к согласию, или подчиниться чьему-либо решению.

В этом случае ответ прост. Первое, что нужно сделать – это изменить условия труда в цехе, обеспечить хорошую вентиляцию, защитить его от прямого попадания солнечных лучей, наконец, привести всё в порядок, так чтобы работа могла проходить в хороших условиях. Конечно, все согласятся с этим предложением. Если всё это будет реализовано, проблемы не останется. Если сама природа труда это позволяет, хорошо было бы, чтобы все работали вместе и в согласии друг с другом в определённые часы рано утром и поздно вечером. Потому что если все одинаково заинтересованы в поддержании ассоциации для достижения своих целей, а этого нельзя отрицать, тогда, несомненно, все будут готовы принести небольшие жертвы.

Наконец, эта проблема настолько незначительна, что в любом случае, какое-то соглашение будет достигнуто. Голосование в этом случае не решило бы ничего. Если сегодня рабочие что-то делают по приказаниям хозяина, неужели завтра они не сделают что-нибудь в своих собственных интересах? Не следует забывать, что ничто так не располагает к труду и самопожертвованию, как личный интерес. Представим себе теперь ассоциацию шляпников. Представим себе фабрику, или цех, учреждённые, управляемые и администрируемые так же как литейный. Представим, что участники срочно нуждаются в станке, который упростил бы их работу, и приглашают механиков, чтобы те собрали для них для них требуемый станок. Предположим, что им предлагают несколько разных станков и что нужно предпочесть и выбрать один из них. Здесь обязательно должна проявиться воля большинства скажут нам! Ничего подобного.

Самым разумным решением для участников было бы испробовать и испытать на опыте все предложенные им машины. Зачем нам закон количества, если мы можем сделать практический выбор? Опыт, один лишь опыт, покажет, какой станок следует выбрать. И если всё равно будет подходить две или больше машин с тождественными или сходными условиями, всегда будет оставаться верным решение попользоваться ими одновременно в течение большего количества времени, пока не станет очевидно какая из них лучше, и обладают ли они все равнозначными преимуществами. Почему то, что практично сегодня, не может быть практичным и завтра?

Наконец, не подлежит сомнению, что, в будущем могут возникнуть проблемы, которые нельзя будет решить посредством одного лишь опыта. Что делать тогда? В этом случае можно будет просто разделиться на группы, с тем чтобы каждая из них применяла свой особый метод; а, если проблема такого свойства, что не позволяет разделить ассоциацию или требует единства всех её элементов, тогда необходимо будет общее согласие, для того чтобы все руководствовались мнением или самых умных, или самых практичных, или же – если таковых нет – мнениями большинства, потому что в подобном, исключительном случае, это дело не будет обладать значением принципа или закона, подлежащего обязательному принятию для всех случаев жизни, как это принято в наши дни. Кроме того, это будет промежуточное решение, которое не вызовет никаких последствий для общества, даже если окажет определённое воздействие в частном порядке и на ограниченный круг данного коллектива, применяющего его.

Перейдём к анализу более общих случаев.

Как должны регулировать свою деятельность крестьяне при возделывании земли? Кто установит расписание поездов, организует работу коммуникаций и транспорта? Как распределить труд и кто должен назначать технический и административный персонал? И что делать в вопросах образования, взаимопомощи и безопасности?

На все эти вопросы мы, может быть, не сможем дать исчерпывающие ответы, потому что в реальности нас нельзя просить о том, чтобы мы заранее установили правила для развития всей общественной жизни в будущем.

Но неужели действительно на эти вопросы будет так трудно ответить, если будет найден общий принцип, на котором по логике должно будет основываться будущее общество?

Во-первых, отметим, что, точно так же, как вовсе не подчиняются закону количества вопросы медицины, механики, архитектуры и мн. др., этому т.н. закону вовсе не должны подчиняться сельскохозяйственные, экономические вопросы, наконец, вопросы, связанные с человеческой жизнью, включая те вопросы, которые, наподобие приведённых нами примеров, должны быть переданы людям, обладающим соответствующими знаниями, техникам, под тем общим условием, что они должны быть подвергнуты критике и анализу тех, кто должен исполнять их предписания или рекомендации.

Точно так же, как мы принимаем мнение медика, оставляя за собой право отвергнуть его и принять мнение другого, более компетентного на наш взгляд, медика, в других вопросах мы также можем пользоваться мнениями умных, сведущих людей, тем не менее, оставляя за собой право предпочесть им другие, более адекватные на наш взгляд.

В вопросах сельского хозяйства, например, именно агроном, эксперт, должен определить какая земля лучше подходит для культивации определённой культуры, какой для этого требуется труд, какие следует предпочесть удобрения. Для этого нужно, чтобы в сельскохозяйственных ассоциациях участвовали соответствующие сведущие агрономы, как же без них?

Можно усомниться в том, что крестьяне примут его помощь, на что мы ответим, что это, конечно было бы достойно сожаления, но что нужно довериться времени, которое искоренит предрассудки, порождённые нынешним общественным строем, абсолютно чуждым нашим предположениям.

Во всяком случае, работа компетентных специалистов в сельском хозяйстве будет заключаться и в том, чтобы их приняли те, кому сегодня не хватает элементарного образования; мы уже знаем, что постоянство человека способно убеждать благодаря его старательности и опыту.

Кроме того, даже в том случае, если крестьяне захотят работать самостоятельно без каких-либо посторонних рекомендаций, если можно назвать агронома посторонним, им, разумеется, не понадобится голосование для решения вопросов труда и культивации земли. Даже в текущих обстоятельствах, они обладают достаточными знаниями, для того чтобы продолжать заниматься той деятельностью, тем трудом, которым они занимались всегда.

Если речь идёт о движении поездов, услугах связи и транспорта, нам кажется, что, если нет возможности обеспечить поезд для каждого производителя, эти работы следует организовать коллективам, занимающимся ими, которые смогут привести это движение в соответствие с общими потребностями. Как всегда, технический персонал вооружённый всеми своими знаниями в данной области, а также статистическими данными, будет продолжать управлять этим движением так, чтобы оно удовлетворяло вышеупомянутым общим потребностям. Если нам скажут, что в этом есть преимущество, которое даёт этому большинству права, которых нет у остальных членов общества; мы ответим, что это всё же не такое преимущество, которое давало бы этому большинству право на всевозможные глупости и безумства, а вполне рациональное преимущество, которое никто не может оспорить.

Мы считаем, что фактически человек не обладает абсолютной свободой, но, что, как говорит Пи-и-Маргалл, он постепенно обретает её. Мы хотим полной свободы действия, без каких-либо ограничений, помимо естественных, без всех тех фиктивных ограничений, которые человек создаёт себе в наше время.

Естественным ограничением является тот факт, что человек не может летать, потому что у него нет для этого соответствующих физических свойств, и было бы абсурдным требовать для него свободы иметь крылья. Однако в наше время вполне можно требовать для него свободы летать на летательных аппаратах без каких-либо искусственных препятствий. Точно так же, у человека ещё нет возможности путешествовать в любое время и любыми средствами, и поэтому было бы абсурдным добиваться для него большей или меньшей свободы в этом деле, раз он не может этого делать. Но если бы человек располагал какими-либо личными средствами для передвижения, непонятно почему он не может отправиться туда, куда ему заблагорассудится, не нанося этим никому вреда и не подчиняясь ничьим приказам, будь это приказы большинства или нет.

Точно так же можно решать вопросы образования, безопасности и взаимопомощи. Каждый коллектив может использовать один или несколько методов, и опыт подскажет ему, как избавиться от бесполезных или вредных вещей. Если, например, в каком-либо городе преподавательский состав не может достичь согласия по какому-либо вопросу, каждый из них или каждая их группа вольны применять свои особые методы, если они приносят хорошие результаты вместо плохих. Если разногласия могут быть решены только большинством, которое, стремясь знать всё некомпетентно ни в чём, тогда, может быть лучше обойтись вовсе без этих преподавателей, раз их наука ничего не может поделаться со слепой волей горстки людей. Если обитатели какого-либо населённого пункта не могут договориться по вопросам взаимопомощи или безопасности в случае непредвиденных инцидентов, будь их причиной природа, или человек, то закон количества им поможет также плохо как помогли бы в этих случаях политики. Каждая ассоциация должна быть всегда свободна, сама по себе, или в согласии с другими ассоциациями действовать так, как ей кажется лучше. Опять же опыт, и только опыт, докажет эффективность одной системы и неэффективность другой.

«А как же насчёт распределения и перераспределения труда?», скажут нам.

Как в наше время распределяет труд торговое или промышленное общество, о которых мы говорили выше? Как оно его перераспределяет? В соответствии с договором. Не больше и не меньше. Так будет и в будущем. Каждая ассоциация производителей будет предварительно обо всём договариваться между собой. Все идеи коммунистов, коллективистов, или мутуалистов можно будет испробовать на практике. Разве тогда не будет такого же права у участников ассоциации? Разве они не будут обладать полной свободой делать так, как им кажется лучше? Применение закона количества принесёт здесь лишь плачевные результаты. Разумеется, на шляпной фабрике никто не будет спорить о том, какой именно работой ему заниматься. То же самое касается и остальных предприятий, потому что практическая жизнь, жизнь труда, это не метафизика вне досягаемости простых смертных, это нечто реальное, что знакомо всем. В вопросах оплаты будут различия в тех случаях, когда можно будет учитывать размер личного усилия во всех других случаях их не будет. Там, где будет учитываться личное усилие, достаточно будет простого пакта, т.е. формы договора, как и всегда, для того чтобы избавиться от всех трудностей. В общем, все наши проблемы можно разрешить путём проведения простых соглашений, при этом к труду мы будем применять отнюдь не то же самое, что мы применяем к математике. Сами рабочие из цехов скажут вам, удобно это или нет.

То же самое будет касаться тех случаев, когда не будет учитываться личное усилие, а будут учитываться лишь потребности (коммунизм). И в этих случаях речь может идти о соглашении, о взаимном договоре, заранее определяющем основы для распределения труда или для распределения продуктов.

Остаются лишь трудности с техническим и административным персоналом.

Ещё никогда не было прецедентов, когда торговое или промышленное общество назначало бы большинством голосов кассира, бухгалтера, или его помощников. Закон количества – это закон без применения вне политических обществ или обществ имитирующих политические, не будучи ими. В любом коллективе, любой индивид обладает, благодаря своим способностям и навыкам, заранее определённой функцией. И если индивидов, подходящих для выполнения определённых функций больше, чем необходимо, они должны или заняться другой работой, или выйти из коллектива. Потребности производства, как всегда, будут диктовать распределение труда. Под угрозой вымирания, люди должны будут заниматься теми работами, которые реально незаменимы для поддержания их существования.

Все трудности, которые могут возникнуть в будущем, исчезают как дым перед лицом хаоса, существующего в настоящем... Тысячи рабочих обречены агонизировать без работы в нищете из-за странных предпочтений в той или иной отрасли. Если бы они могли дать ответ на свои потребности, они бы с удовольствием работали на любом предприятии, лишь бы иметь возможность зарабатывать себе на жизнь.

Мы не считаем необходимым приводить примеры. Многие ассоциации сегодня живут без правителей и без выборов. То, что верно в отношении определённого количества индивидов, может оказаться верно и в отношении другого их количества – это больше, чем единичный случай. Если это окажется верно в отношении другого такого количества индивидов, это может оказаться верным и для любого их количества. Это чистая арифметика.

Существование одной единственной группы людей без выборов и без системы правления, доказывает возможность того, что целое общество может жить без правителей и без выборов, оно доказывает, что наш тезис – вовсе не утопия, не фантастическая мечта, что всё сводится лишь к обобщению практических фактов определённого образа существования.

VIII Против принудительной и разобщающей власти, свободное развитие разума, как творческого и созидательного начала

Что же, скажет кто-то, ведя с нами борьбу до последней траншеи: разве не станет хозяином каждый из этих администраторов? Разве не станет новым сеньором каждый из этих технических директоров? Разве не станет каждая из этих ассоциаций властью в борьбе с другими властями в виде других ассоциаций? Вы же хотите уничтожить власть и создать новый мир!

Администратор, или технический директор, точно такие же работники нашей эгалитарной организации, как и все остальные. Не имея никаких привилегий в собственности, вместо функций шефа, они выполняют функции сотрудника, потому что именно привилегии собственности создают и подпитывают тиранию шефов и деспотизм хозяев. Избавившись от собственности, любая власть и злоупотребления ею становятся невозможными. Избавившись от правительства, мы одновременно избавляемся от привилегий собственности.

То же самое происходит с ассоциациями производителей. Без права исключительной собственности на вещи, без власти и насилия для захвата власти, их жизнь будет сведена к сотрудничеству с другими ассоциациями в целях упорядоченного выполнения общих обязанностей и достижения общих целей. Точно так же, как каждый индивид нуждается в труде других, для того чтобы жить, каждой группе нужны другие группы, для того чтобы развиваться в обычных условиях для существования. Ни одна ассоциация не сможет жить только со своих продуктов; напротив, ей потребуются множество вещей, которые ей будут предоставлять другие ассоциации. Свободное согласие станет обязательным условием для установления отношений взаимности и обмена, без которых жизнь не была и не будет возможной.

Мы должны избавиться от мира искусственно созданной насилием власти, и создать на его руинах мир свободы со всеми её последствиями, включая, почему бы и нет?, возможность влияния и власти, свободно принятой, само собой, знания и добродетели, потому что мы не собираемся уничтожать нечто естественное, созданное Природой, мы хотим уничтожить лишь то, что создал человек, в своей ложной уверенности в том, что общественная жизнь

невозможна без власти насилия или количества. Мы хотим уничтожить не естественные последствия отношений между людьми, а последствия постоянной, безжалостной войны, которую люди развернули между собой, выходя из животного состояния, войны за привилегии и богатства, из-за которой возникли все виды религиозной, политической, военной и юридической власти. Мы не хотим создавать новый мир для новой власти, потому что мы не наделяем людей науки официальной, бесспорной властью; потому что мы не учреждаем орган власти учёных, или, тем более, святых, который мог бы нами управлять. Да, мы принимаем мнения самых сведущих людей, обладающих знаниями или опытом, и мы надеемся, что, точно так же, будут приняты и наши знания, и мы хотим сделать науку доступной для всех людей, для того чтобы знания помогли навсегда избавиться от возможности подчинения человека человеку. Наконец, мы работаем над полным освобождением тела и разума, или, как сказал бы верующий, за радикальную эмансипацию материи и духа. Тем не менее, так же, как мы не можем избежать влияния физических законов, управляющих нами, даже если настоящий человеческий прогресс заключается в освобождении от всех законов и от власти самой Природы, мы не можем одним махом избавиться от рекомендаций знающих и учёных, даже когда всеми силами стремимся прийти к полному освобождению и от этого влияния.

Наш ультра-материализм заставляет нас рассматривать человека, как существо, подчинённое физическим законам, которое, однако, находится в постоянной борьбе за освобождение от этих ограничений, за освобождение от любых видов насилия и принуждения, как через бунт, так и через обретение знаний. Почему же мы отвергаем любой, даже неоспоримый и непогрешимый авторитет? Потому что его мнение для нас – это просто материя для обмена, каковой она и является уже сегодня для всех образованных людей, отбросивших веру в какую бы то ни было непогрешимость.

Версия #2

Зверобой создал 23 июня 2025 18:19:13

Зверобой обновил 23 июня 2025 18:23:12